

«Только не пиши мне о пальмах и ценах» –
– так напутствовала меня любимая подруга, провожая нас в аэропорту...

Привет, ЛенКа!

Долетели благополучно, если не считать, что очень волновались за зверинец. В салон не разрешили взять даже кошку, и клетки пришлось сдать в багаж еще за очень приличное время до отлета. Когда Дуськину клетку увозили, она испугалась и заметалась в клетке.

«Перешли границу» и сели выпить кофе в кафешке. К нам за столик подсели товарищи по переживаниям – хозяйева догини, тоже только что отправленной в багажное отделение. У них не приняли самодельную клетку, сделанную из легких алюминиевых прутьев, сказав, что она недостаточно прочная. Но тут же «выручили», продав им за двести долларов деревянную клетку, напоминающую детскую кроватку на колесиках, только с крышей...

Наконец, мы в самолете, пристегнулись. Чувства – смешанные. Неужели и вправду мы так радикально меняем свою жизнь? Может, еще не поздно рвануть к выходу? И в то же время – радость от предстоящего путешествия. Всегда любила куда-нибудь перемещаться: и проводницей в студенчестве работала, и автостопом пытались с подругой от Питера до Киева добраться – до Пскова-таки доехали! В командировки всеми правдами и неправдами рвалась...

И еще одно ощущение: впервые почувствовала себя гражданином мира...

Как долго шло всяческое оформление, когда уже приземлились! Еле дождались, когда нас, наконец, выпустят в багажное отделение к нашим несчастным зверям. Первое, что мы увидели там, это была собака наших спутников, проломившая свою «прочную» клетку, справившая со страху посреди зала все свои нужды и носившаяся теперь в ужасе в совершенно незнакомой обстановке. Наша же собака вжалась в дно клетки и отказывалась выйти из нее. Я влезла в клетку, легла рядом с Дуськой, обнимала ее, уговаривала, а снаружи стояла Анька и рыдала. Прошло много времени, прежде чем мы немножко успокоили собаку.

На крутилке ездил уже только наш багаж и чья-то одинокая сковородка...

Здравствуй, Леночка!

Сплю на ходу все эти несколько дней: мои поспешные беспорядочные сборы нескольких последних ночей дома, ночной перелет и шок от перемены обстановки. Родственники-старожила поочередно водят меня по инстанциям. Мы входим, я говорю «шалом», сажусь на стул и засыпаю. Родственники решают какой-то очередной мой вопрос, я говорю «бай» и бреду за ними дальше. Через несколько дней, когда я хотя бы помню дорогу к дому, брат с невесткой начинают изредка оставлять меня одну. Я уже успела убедиться, что какие-то дела можно сделать, не зная иврита, и продолжаю вращение самостоятельно. Листовка «Первые шаги репатрианта» подсказывает мне, что пора записаться на учебу, и я иду по указанному адресу. Прошу направление в ульпан.

- Я уже Вам его дала! – слегка удивляется служащая.
- Когда?
- Когда вы приходили в прошлый раз.
- Я уже здесь была? – теперь уже удивляюсь я, – и где же это направление? Я выворачиваю из портфеля кучу непонятных бумаг, и мне показывают среди них нужную...

Привет, Лен!

Решаем некоторые медицинские вопросы. Очереди в поликлиниках здесь не хуже наших. В одной такой очереди просидели безумно долго: отдали Анькино направление, должны бы уж ее вызвать, и все никак не вызывают. Прибежала за нами встревоженная невестка, стала выяснять – говорят, нас вызывали. Тогда мы признались, что звали кого-то по имени Алаксаев Ана, и мы еще удивились такому созвучию, но на свой счет, то есть Анькин, которая к тому же Алексеева, как-то не приняли...

Начинаю заниматься и собой, взяла направление к сосудистому хирургу. Подключаем телефонную линию. Звонил на станцию, конечно, брат. Он же, когда забегал к нам, заполнил бланк заявления, который прислали мне оттуда. Вместе с бланком был прислан конверт. Заклеила я его самостоятельно, мне же предстояло его отправить. Несколько дней я либо забывала, в какой – желтый или красный – ящик нужно это письмо опустить (до сих пор не помню: один цвет для родного города, другой для всего остального мира), либо нечаянно проскакивала мимо почты. Наконец, умудрилась затормозить в нужном месте. Достала из сумки конверт, удивилась, что он открыт, заклеила снова и опустила в ящик. Вечером я обнаружила заклеенный конверт с заявлением в своей сумке. Интересно, что же я тогда отправила? Огромных логических усилий стоило понять, что по почте ушло мое направление к хирургу. Представить не могу, как поступят с этим конвертом почтовые работники. Но за направлением-то придется снова идти к семейному врачу...

Очень много знакомых лиц. То ли похожи на кого-то из прошлой жизни, то ли еврейские лица мне в принципе кажутся знакомыми. Впрочем, действительно, есть и знакомые – здесь живут очень многие друзья родственников, с кем-то из них я встречалась в Ленинграде после отъезда брата – приезжала за письмами или посылками, кого-то видела уже здесь, у брата в гостях. Беда только, что я не помню, кто есть кто, и откуда мне знаком. Недавно меня увидела одна старушка, так мне обрадовалась, расцвела вся от радости: «Ма-ша-а!» – говорит. Похоже, не ожидала меня увидеть. Я к ней подхожу, тоже изо всех сил радуюсь и пытаюсь вспомнить, как ее зовут. «Ма-шаа?», – повторяет она. И на мои часы показывает. Оказывается, здесь так время спрашивают. «Который час?» – в дословном переводе...

Жду твоих писем, целую – твоя МашиКа.